[2] *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX в. М.: Реалии-Пресс, 2003.

[3] *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: Правительственная политика и общественное мнение. СПб.: Лики России, 2009.

УДК 930.1
DOI 10.24411/2311-603X-2019-00033

С. Е. Эрлих

Декабристы. История мифа

1. Почему западные слависты игнорируют героев 14 декабря?

Тема декабристов была популярна еще до большевистской революции и сверхпопулярна в советское время. Список литературы о «дворянских революционерах» составил четыре объемистых библиографических указателя, включивших почти 20 тыс. научных, публицистических и беллетристических публикаций. Это был самый популярный сюжет дореволюционной русской истории. Советские историки писали о декабристах больше, чем о реформах Петра I, Екатерины II и Александра II, больше чем о Северной войне 1700–1721 гг., Отечественной войне 1812 г. и Великой войне 1914–1918 гг.

На этом публикационном фоне зарубежная историография выглядит парадоксально. В годы «Холодной войны» на Западе, прежде всего в США, значительные средства вкладывались в изучение языка, культуры и истории вероятного противника. Была создана обширная историческая литература о России. В ее составе мы с трудом найдем 20 публикаций о декабристах.

Чем вызвана эта тысячекратная диспропорция? Объясняется она тем, что западные исследователи не подвержены кодам русской культуры. Они смотрят на нашу историю рационально и видят то, что не замечаем мы, а именно — что историческое значение деятельности декабристов в сравнении, скажем, с петровской модернизацией и великими реформами середины XIX в., ничтожно.

2. Рядовое событие как великий миф

Подавленные в одночасье восстания на Севере и Юге если и повлияли на современную декабристам общественную ситуацию, то исключительно в виде ужесточения так называемой «николаевской реакции». Да, каторжники «сибирских руд» внесли большой вклад в просвещение Сибири, да, Николай Павлович повелел выписать из их следственных дел предложения о необходимых государственных преобразованиях и неоднократно консультировался с этим сводом «благоразумных советов из крепости». Но этого недостаточно, чтобы считать деятельность декабристов великим событием русской истории. Отечественные исследователи ощущают, что материала для изображения великих деяний не хватает и постоянно сбиваются на *альтернативную историю*, додумывая, что́, согласно смутным свидетельствам, собирались сделать романтические юноши и, даже, что́ им следовало сделать, чтобы «их дело не пропало».

Феномен декабристов объясняется тем, что прошлое дано нам не только в виде не только рациональной истории, но и эмоционального мифа. Существует «бытовое» представление, что миф — это ложь, выдумка. В действительности это не так. Миф, согласно определению выдающегося религиоведа Мирчи Элиаде, — это священный образец деятельности. Если «история — это политика, обращенная в прошлое», то миф — это политика, устремленная в будущее. Незначительные исторические события способны порождать великие мифологические явления. В их числе — казнь скромного учителя в четырнадцатый день «весеннего месяца нисана». Это столь рядовое в тогдашней Палестине событие, что современники даже не занесли его в анналы, послужило основой величайшего мифа об искупительной жертве Сына Человеческого. Миф 14-го нисана стал одним из образцов для мифа 14-го декабря. Декабристы — это коллективный Христос русской интеллигенции.

3. Царский пиар

Каким образом рядовое историческое событие породило великий миф декабристов?

Для ответа следует углубиться в средневековое прошлое. Московские князья с давних пор стремились отождествить себя с Георгием Победоносцем. При собирателе русских земель Иване III (княжил с 1462 по 1505 г.) святой рыцарь, пронзающий змия, был помещен в центр герба Московского государства. О том, что это был не только символ государства, но в первую очередь олицетворение его правителя, свидетельствуют перемены изображения на московских деньгах. На монетах, выпущенных в годы правления (1505–1533) Василия Ивановича, согласно свидетельству современника, изображен «князь велики на коне», который сражается со змием, «имея мечь в руце» (отсюда — «сабляница»). При его сыне Иване Васильевиче Грозном (1533–1584) произошло нумизматиче-

ское перевооружение коронованного всадника. Теперь «князь велики», в соответствии с иконописной традицией изображения святого рыцаря Георгия, поражает змия «имея копьё в руце» (отсюда — «копейка»).

Успешный пиар власти привел к тому, что в сознании русских людей верховный правитель отождествлялся со святым рыцарем, который защищает страну от чужеземного дракона. Все, кто выступали против государя внутри страны, считались «иностранными агентами» заморского гада (отсюда хрестоматийное — «англичанка гадит»). Противники власти были вынуждены прибегать к самозванству, т.е. распускать, подобно герою фильма «Иван Васильевич меняет профессию», слухи, что «царь ненастоящий» и объявлять себя либо истинным царем (Лжедмитрии и Пугачев), либо его воеводой (Болотников и Разин).

Даже декабристы, проникнутые «прогрессивными» европейскими идеями, были вынуждены выводить солдат на Сенатскую площадь под предлогом верности присяге, данной «истинному императору» Константину Павловичу. На Юге Сергей Муравьев-Апостол попытался действовать без «царистского прикрытия», апеллируя к библейским максимам о праве народа на восстание против неправого царя. Как только до солдат дошло, что подполковник наш не слуга царю, он тут же перестал быть отцом солдатам. Дисциплина была утрачена и «военная революция», о которой столько говорили декабристы, обернулась погромом помещичьих имений и еврейских местечек, оказавшихся на пути Черниговского полка. Решение боевого офицера Муравьева вести свое пьяное войско по открытому полю прямо на царские пушки, скорее всего, было продиктовано стремлением поскорее покончить с кошмаром восстания «без царя в голове».

4. Творение декабристского мифа

Память о декабристах могла бы затеряться в архивах среди следственных дел других неудачников русской истории, если бы царские пушки не разбудили впечатлительного подростка Герцена, который стал не только лучшим, по мнению Льва Толстого, стилистом русской литературы, но и гениальным, говоря современным языком, политтехнологом. Он избавил новых революционеров от необходимости прибегать к самозванству.

Для этого конструкция царской пропаганды была перевернута. Бунтовщики-декабристы были возведены в сан святых рыцарей, «богатырей, кованных из чистой стали». Их царственный противник император Николай был «пресуществлен» в инфернальное чудовище. Герценовские декабристы — это не только Победоносец. Они, подобно Христу, выходят «на явную гибель», жертвуют собой, чтобы искупить грехи дворянства перед крепостными крестьянами. Поражение людей 14 декабря возвещает грядущую победу Просвещения над силами тьмы.

5. Икона и портрет

Реальные декабристы не слишком похожи на иконописные лики декабристского мифа. Нынешние противники мятежников Сенатской площади любят демонстрировать, что между словом и делом герценовских «богатырей» пролегала «дистанция огромного размера».

Из школьных учебников мы помним, что декабристы хотели освободить крестьян и дать им землю, о чем недвусмысленно утверждается и в Конституции Никиты Муравьева, и в «Русской правде» Павла Пестеля. Гораздо менее известно, что дворянские революционеры имели легальную возможность показать другим помещикам пример бескорыстия и отпустить своих крестьян на свободу с землей в соответствии с положениями «Указа о вольных хлебопашцах» (1803 г.). Благодаря указу, 47 тыс. помещичьих крестьян получили свободу и землю в царствование Александра I, но крепостных «душ», принадлежавших декабристам, в их числе не оказалось. В советское время много писали, что «царизм» не позволил декабристу Якушкину отпустить крестьян на свободу. Но забывали добавить, что он собирался освобождать своих рабов без земли, чтобы те обрабатывали якушкинские нивы в качестве наемных работников. Власти же страшились «язвы пролетариатства» и требовали освобождать с источником пропитания — землей, поэтому разрешения Якушкину на безземельное освобождение не дали.

Другой общей целью декабристов было ограничение верховной власти законами, предусматривающими неприкосновенность личности и собственности. Однако декабрист Пестель понимал ограничение произвола правящего лица очень своеобразно. Вот что предлагается в «Русской правде» для решения «кавказского вопроса»: «Разделить все Сии Кавказское Народы на два разряда: Мирные и Буйные. <...> Вторых Силою переселить во внутренность России раздробив их малыми количествами по всем русским Волостям и завезти в Кавказской Земле Русския селения и сим русским переселенцам роздать все Земли отнятыя у прежних буйных жителей дабы сим способом изгладить на Кавказе даже все признаки прежних (то есть теперешних) его обитателей». Мы видим, что борец с русским абсолютизмом предвосхищает этнические депортации, осуществленные другим пламенным революционером — Сталиным. Жестоковыйные сыны Израиля также были причислены Пестелем к неблагонадежным. Предполагалось вначале созвать «ученейших рабинов и умнейших Евреев» и объяснить им, что если будут вести себя хорошо, тогда «Россия не выгоняет Евреев». А если не послушаются, то следует, при благоприятных внешнеполитических обстоятельствах, оказать содействие «Евреям к Учреждению особеннаго отдельнаго Государства, в какой либо части Малой Азии. Для сего нужно назначить Сборный пункт для Еврейскаго Народа и дать несколько войска им в подкрепление». И в этом случае предвосхищается политика товарища Сталина, который внутри страны разоблачал злонамеренных «сионистов» и «космополитов» (советские эвфемизмы пейоратива «жид»), а на внешней арене

не только содействовал провозглашению государства Израиль, но и направлял профессионалов для укрепления израильской армии, чтобы «англичанке нагадить». В бумагах Пестеля сохранился еще один примечательный документ — «Образование Государственного приказа благочиния», в котором присутствуют настолько «странные сближения» с устройством сталинской тайной полиции, что в советское время его не публиковали. В этом документе борец с беззаконным самодержавием рассуждает о том, что преступники с законами не сообразуются, из-за этого невозможно эффективно бороться с ними, оставаясь в рамках закона. Поэтому «Государственное Благочиние <...> обретается в случаях законами не предвиденных и не определенных».

Можно сказать, что Пестель был предтечей революционных «бесов» вроде таких изуверов, как Нечаев, Ленин и Сталин. И те «альтернативщики», которые утверждают, что в случае победы декабристов Россия изведала бы все прелести гражданской войны и террора не в 1917, а в 1825 г., имеют основания для подобных утверждений. Вместе с тем многие исследователи считают, что радикализм Пестеля не имел шансов на успех и восторжествовали бы умеренные приверженцы Конституции Муравьева. Если бы история пошла «муравьевским» путем, то феодальная Россия стала бы развиваться в буржуазном европейском «тренде», инициированном Великой Французской революцией, и имела бы шансы стать «нормальной страной». Но история не знает сослагательного наклонения.

6. Основной миф интеллигенции

Декабристский миф стал основой идентичности нарождавшегося в середине XIX в. слоя «новых людей», вошедших в историю под именем «интеллигенции». Жертвенная борьба с «гидрой царизма» ради счастья простого народа стала главной задачей мыслящего сословия пореформенной России.

Принято считать, что искупительная жертва декабристов стала примером только для революционеров. Это не так. В конце XIX — начале XX в. множество молодых людей вдохновлялись идеей долга перед народом и «шли в народ» работать учителями, врачами, земскими статистиками и т. д. Их самоотверженная деятельность приносила ощутимые результаты.

Можно вспомнить знаменитое издательство «Посредник», которое издавало книги для народа огромными тиражами. Лучшие писатели того времени бесплатно предоставляли свои произведения. Многолетний директор издательства И. И. Горбунов-Посадов прилагал все силы, чтобы издания обходились как можно дешевле и благодаря этому были доступны рабочим и крестьянам. При этом семья Горбунова, как бы сейчас сказали, топ-менеджера успешного коммерческого предприятия, жила на грани пристойной бедности. Его сын вспоминал, как они с матерью ходили в знаменитый гастроном Елисеева и покупали фрукты с подгнившим бочком, поскольку цена на них падала в несколько раз.

Такой была истинная русская интеллигенция. Писатель Боборыкин утверждал, что придумал слово «интеллигенция», т. е. дал имя новому социальному слою. Но истинным отцом интеллигенции, несомненно, является Герцен — конструктор декабристского мифа самопожертвования ради народа.

7. Декабрь в Октябре

Исследователь и поэт Андрей Чернов как-то сказал, что историческая аналогия — это политическая технология. Аналогия с декабристами — это метафора мятежа русской истории, которая сработала как идейный таран дважды — в 1917 и в 1991 гг.

Советские школьники заучивали наизусть пассаж из ленинской статьи «Памяти Герцена» (1912 г.) о декабристах, разбудивших Герцена, о трех поколениях русских революционеров. Но Ленин был не одинок, возводя генеалогию своей партии к людям 14 декабря. Вся тогдашняя оппозиция царю — от анархистов до кадетов — вдохновлялась подвигом декабристов и считала их своими духовными предками. Поклонником декабристов был земляк и знакомец Ленина — Керенский. После февраля 1917 г. он заказал писателю Мережковскому брошюру о декабристах. Брошюра под названием «Первенцы свободы» с посвящением «Продолжателю дела декабристов Александру Федоровичу Керенскому» была отпечатана большим тиражом и распространялась на фронте. Таким способом сообщая солдатам, что офицеры-декабристы были за простой народ, Временное правительство пыталось сохранить дисциплину в армии. Битва за декабристское первородство продолжалась и после Октября. В декабре 1925 г. эмигранты собрались по случаю столетнего юбилея 14 декабря в Праге и в Париже. Выступавшие не просто вспоминали декабристов, но доказывали, что в отличие от узурпаторов-большевиков, именно эмигранты являются истинными наследниками духа свободы, родившегося сто лет назад на Сенатской площади.

8. Декабрь в Августе

Красные фараоны, засевшие в Кремле, пытались «разминировать» декабристскую метафору мятежа. Декабристам придали скромный статус классово ограниченных дворянских революционеров. Этим прекраснодушным недотепам не хватило ума для понимания ведущей роли рабочего класса. Когда накануне войны Сталин совершил «патриотический поворот», который усугубился в годы «борьбы с низкопоклонством перед Западом», декабристы предстали в обличье не столько революционных мятежников, сколько страстных патриотов, героев Отечественной войны 1812 г. Сегодня забавно читать классический труд академика Нечкиной «Движение декабристов», где доказывается, что декабристы, часть из которых лучше владела разговорным французским, чем

родным языком, а писать по-русски вообще не умела, не испытали никакого влияния западных идей.

Начиная с шестидесятых годов прошлого века официальный советский облик декабристов — верноподданных патриотов, предков большевиков — контрабандой стал наполняться подрывными смыслами. В произведениях Галича, Лебедева, Окуджавы, Эйдельмана и многих других дворянские революционеры выступали alter ego советской интеллигенции, а Николай Палкин и его жандармы — аллюзией брежневского Политбюро и андроповского КГБ. Считается, что «Петербургский романс» Галича с его призывным вопрошанием: «Смеешь выйти на площадь», — был написан по горячим следам демонстрации 25 августа 1968 г., когда «семеро смелых» вышли на Красную площадь в знак протеста против советского вторжения в Чехословакию. На самом деле романс был написан *до* демонстрации и ряд ее участников вдохновлялись им, разворачивая на площади лозунг «За вашу и нашу свободу», который мятежные поляки впервые провозгласили в 1830 г. на манифестации памяти декабристов. Когда в августе 1991 г. тысячи людей вышли на защиту Белого дома, многие из них про себя повторяли строки: «Оковы тяжкие падут...» — из пушкинского послания декабристам. Метафора мятежа сработала во второй раз.

9. Смерть мифа

После 1991 г. память о декабристах погрузилась в анабиоз. Риторический ход Хасбулатова, призвавшего в октябре 1993 г. офицеров, лояльных режиму Ельцина, вспомнить славную традицию офицеров-декабристов и повернуть оружие против эксплуататоров трудового народа, не имел успеха. Декабристская метафора периодически вспоминалась в ходе путинского закручивания гаек. Тогда в СМИ замелькали «декабристы» гусинского НТВ (2001 г.), «декабрист Ходорковский» (2003 г.), «декабристы-лимоновцы» (2004 г.), «несогласные декабристы» (2006 г.), «белоленточные декабристы» (2011 г.) и т.д. Политтехнологи из Администрации президента всполошились и занялись ретро-дискредитацией мятежников 14 декабря. Нарочницкая, Мединский и Стариков возглавили антидекабристский спецназ Кремля, который во всех видах СМИ марает декабристов экскрементами, смешанными с элементарными фактическими ошибками.

В действительности тревога было мнимой. Настойчивые декабристские «вбросы» журналистов не получили заметного отклика в интеллигентных массах. Причина банальна — интеллигенция, воспитанная на декабристском примере «долга перед народом», умерла. Современные постинтеллигенты считают, что неблагодарный народ не заслуживал жертв, принесенных интеллигенцией. По их мнению, самопожертвование мыслящего сословия ради свержения царизма привело к сталинскому террору против интеллигенции. Активное участие интеллигенции в демонтаже диктатуры КПСС вызвало к жизни монстра

компрадорского капитализма, безразличного к науке, образованию, здравоохранению и культуре — традиционным сферам приложения интеллигентных сил. Следование примеру декабристов оказалось губительным для интеллигенции. Поэтому, считают нынешние профессоры и журналисты, хватит жертвовать собой, пора пожить для себя.

10. Сдача и гибель пост-интеллигенции

Этос современного образованного сословия ничем не отличается от ценностей мелкой буржуазии, прежде презираемого интеллигентами «мещанства». Посмотрите, что доценты, профессоры и академики «постят» в социальных сетях: «Я — в Париже» (в подтверждение «себяшки» на фоне Эйфелевой башни), «Уютный итальянский ресторанчик» (с фотопортретами еды), «NN перемещается из аэропорта Шереметьево в аэропорт Хитроу» (схема перелета прилагается). Эти и другие символы престижного потребления выставляются на фейсбучной ярмарке тщеславия. Уподобляясь дикарю, счастливо потрясающему «импортными» бусами, нынешний профессор в запале самодовольства забывает, что ему прилично репрезентировать себя прежде всего как автора идей, воплощенных в лекциях, докладах, статьях, книгах.

Этот навязчивый престижно-потребительский эксгибиционизм является тревожным симптомом деморализации образованного слоя. Профессура бескомпромиссно критикует в социальных сетях Путина, но ни в коем случае не своего ректора, который, в отличие от Путина, может прислушаться к критическим замечаниям. Более того, ученые мужи не находят сил отказаться от хамских предложений вузовского начальства, напрямую затрагивающих материальные интересы преподавателей. Так, они практически поголовно «согласились» перейти на одногодичные трудовые контракты. Теперь можно избавиться от академических «декабристов», просто не продлевая контракт. Недавно многие ученые помогли президенту РФ выполнить его «майские указы» по повышению зарплаты научных работников, покорно подписав заявления о переводе на половину и даже четверть ставки. Если даже наш образованный слой не в силах объединиться, чтобы отстаивать свои корпоративные интересы, то как мы можем надеяться на упрочение демократических институтов и процедур в российском обществе в целом?

11. История без мифа мертва

История показывает, что успешно развиваются только те общества, где жертвенное меньшинство способно вдохновлять большинство на солидарные действия. Для этого необходимы вдохновляющие примеры вроде декабристского мифа Герцена. Я не уверен, что его можно возродить. Этого и не нужно, поскольку черно-белая конструкция: святые рыцари против инфернального

чудовища — не допускает компромиссов и толкает общество к «великим потрясениям». Сегодня необходимы иные, невоинственные образцы самопожертвования. Не знаю появится ли новый Герцен, способный предложить образованному слою продуктивный миф общественного служения, но без вдохновляющей утопии, или, по-простому, мечты у нашего общества нет шансов на будущее.

УДК 94(470+571)«18»:35.08
DOI 10.24411/2311-603X-2019-00034

В. А. Шкерин

«...Видно, тайное общество состояло не из одних злоумышленных и безнравственных людей»: к вопросу о феномене «декабристов без декабря»

История движения декабристов прочитана в обратном порядке: от военных восстаний к зарождению тайных обществ. Во всяком случае, так обстояло дело в советский период, когда вышло в свет подавляющее большинство декабристоведческих публикаций. Для В. И. Ленина, а значит, и советской исторической науки, восстание на Сенатской площади было «основным по значению в движении декабристов»[1].

Десятилетняя деятельность тайных обществ рассматривалась как предыстория одного-двух революционных актов. В основание этой концепции легло «замечательное показание» (по характеристике академика М. В. Нечкиной) лидера Южного общества П. И. Пестеля: «Тайное наше общество было революционное с самого начала своего существования и во всё свое продолжение не переставало никогда быть таковым. <...> И потому не было члена в Союзе, на которого бы Союз не надеялся именно для произведения Революции, содействия ее успехам или участия в ней»[2].